

Глава 11

Проклятие Александра
Македонского

Надо признать, что в древних документах, дошедших до нас, — чудом, как мне кажется, учитывая неумение рода человеческого бережно обращаться с Историей, — есть немало упоминаний о ядах и противоядиях. В том числе — и в связи с великими людьми. Например, Флавий Арриан, грек по происхождению, замечательный древнеримский историк начала прошлого Миллениума, в своем семикнижье «Анабасис Александра» описывает одну из версий внезапной смерти Александра Македонского. Историю с его отравлением.

...«Мы встретимся в Вавилоне!» — успел сказать властелину мира перед смертью Калан.

Этот индийский «нага садху» — «аскет-воин», странствующий йог, — сопровождавший греческую армию при возвращении ее из Пенджаба, весьма пришелся по душе суеверному Александру, окружавшему себя всевозможными пророками и оракулами. Старый индеец, столь увлеченно рассказывающий великому царю о богах и философии мироздания, при переходе эллинов в Междуречье заразился какой-то странной болезнью и предпочел мукам самоубийство. Калан попросил Александра организовать ему ...саможжение! После того, как Александр убедился в бесполезности попыток отговорить йога от такой страшной смерти, македонец согласился пойти ему навстречу: в считанные часы рабы соорудили зиккурат для огромного костра. Обнаженный Калан спокойно взошел на вязанки обмазанных смолой дров и прежде, чем исчезнуть в языках пламени, крикнул Александру свое приглашение о встрече в Вавилоне.

Немаловажная деталь: зимой 323 года до н.э. великий полководец вовсе не собирался идти с войском на Вавилон. Тем более что при переправе через Тигр царь встретил халдейских жрецов, посоветовавших ему не входить в столицу персов: дескать, Бел — халдейское божество — предупреждал, будто пребывание в Вави-

лоне в это время будет роковым для Александра. Сумасбродный, упрямый монарх все воспринял с точностью наоборот: «Раз мне говорят, чтобы я не шел в Вавилон, пойду именно туда!..»

Вечером 10 июня пир, устроенный Александром во дворце Навуходоносора II, шел горой. Царь, как всегда, пил и ел больше всех. И чем быстрее пустел фигурный бокал Александра, предпочитавшего всем земным напиткам вино, тем громче он вещал, тем презрительнее обращался с окружающими.

И тут Иол, младший сын наместника в Македонии Антипатра, подал государю новый сосуд с вином. Выпив кубок, Александр мгновенно почувствовал себя плохо и покинул торжественную залу. С трудом добравшись до своих покоев, Александр позвал врача. Тот — по одной из исторических версий, — определил у великого царя лихорадку, вызванную малярией, болезнью, которая рядами косила греков на Востоке. Тем более что Вавилон представлял собой в ту пору оазис со множеством арыков, вода для которых забиралась из Евфрата и, естественно, не очищалась...

Но, как пишет Флавий Арриан, царь понял, что его отравили. И Александр, чувствуя неизбежную смерть, бросился в мутные воды Евфрата. Чтобы скрыть от праздных глаз свои страдания и присоединиться к богам, которые — как верили греки — живут в полноводных потоках... В жизнеописании Александра у Арриана много красивых деталей. Но поражает необычность облика македонского царя. Оказывается: «Один глаз у него был цвета неба, другой — цвета ночи». Это называется гетерохромией глаз, иначе говоря — разноцветием. Явление редкое, встречается примерно у 0,5 процента людей, не более.

Однако это все, как говорится, — фигура речи. Нам интереснее другое: чем отравили тридцатидвухлетнего завоевателя, создавшего за кратчайший срок огромное государство, подобно которому нигде на Земле ничего раньше не существовало?

Античные историки предполагали, что убить Александра задумал Антипатр. Некогда близкий друг Филиппа Македонского, своего нравного отца Александра, наместник в Македонии пребывал в давней ссоре с Олимпиадой, матерью того, кого прозвали «властителем мира». К тому же Александр, взрывной и подозрительный, в последнее время стал исключительно груб с соратниками, в том числе — с Кассандром, старшим сыном Антипатра, и с Иоллисом, его младшим сыном, служившим у завоевателя кравчим (то есть разливающим и подающим напитки). Утверждают, будто именно Кассандр и привез к царскому двору в Вавилоне яд. Да такой едкий, что его нельзя было хранить ни в глине, ни в стекле.

пыте мула. Вряд ли стоит прислушиваться к тем античным историкам, которые утверждают, что этим невероятно сильным ядом была... ледяная вода, стекавшая с горы на Пелопоннесе отравленными каплями из «мертвой реки» Стикс, которую сегодня греки называют Мавронери, что означает «черная река».

Заметки на полях

Великий оратор Античности умер от яда. Вот как его смерть описывает Плутарх.

Спасаясь от солдат македонского наместника в Греции Антипатра, Демосфен бежит из Афин на остров Калаврия (ныне — Порос) и укрывается в храме Посейдона. Когда сыщик Архий, бывший актер, прозванный «охотником за беглецами», выследил оратора, Демосфен сказал ему: «Подожди немного, пока я напишу домой к своим». Он вошел во внутренность храма, взял табличку для письма, как будто бы желая писать, и застыл, зажав во рту кончик тростникового пера. Потом закрыл голову плащом и склонил ее на сторону. Стоявшие на дворе наемники, увидев это, стали насмехаться над его трусостью, а Архий вошел к нему и сказал, чтобы он встал и ободрился. Македонские солдаты и не догадывались, что Демосфен успел принять яд, скрывааемый в тростинке. Когда его выводили из храма, он зашатался, задрожал всем телом и упал, умирая, к подножию жертвенника. Состав яда Плутарх не называет. Это было, по его словам, 16 Пианепсиона (октябрь — ноябрь) 322 года до н.э.

Отдадим должное античным мифам с ослиным копытом и с ядовитой росой и обратимся к гипотезам куда более правдоподобным. Тем более что незадолго до смерти Александра умер от недуга с похожими симптомами Гефестион, самый близкий друг любвеобильного завоевателя (одних жен и наложниц у него было до четырех сотен, не считая пассий среди мужчин), чью смерть македонец мучительно переживал. Непроста появилась версия о том, что убийство Александра якобы заказала его бактрийская¹ жена Роксана. Дескать, злотокудрая красавица, бывшая на последнем месяце беременности от Александра, приревновала мужа к его нежному другу Гефестиону, несмотря на то что он уже умер.

Великий античный историк Плутарх, не веривший в отравление Александра, в качестве аргумента своей версии выдвигает тот факт, что после смерти монарха его соратники-военачальники на

¹ Бактрия — исторический регион, расположенный на месте сегодняшних Узбекистана и Афганистана.

протяжении многих дней ссорились в Вавилоне из-за делажа гигантского наследства великого царя. А тот в ожидании погребения все это время лежал на жаре, причем тело Александра оставалось, как сообщает Плутарх, «чистым и свежим». То есть на трупе Александра Македонского не выступило ни пятен, ни следов внутреннего гниения. Дескать, никаких видимых признаков отравления...

При отравлении мышьяком тело погибшего как бы деревенеет и значительный срок сохраняется нетронутым тленом. Думается, создатель самой первой в истории империи был отравлен мышьяком — классическим ядом, хорошо известным с античных времен. Бывший воспитатель Александра Аристотель, которому приписывают роль участника в заговоре против монарха, пишет: «Сандарак (древнее наименование минерала реальгара, из которого производят мышьяк) убивает лошадей и скот. Его разводят водой и дают им выпить». Перед смертью Александр страдал рвотой и поносами, то есть — организм его был обезвожен. Так высушивает свою жертву мышьяк.

Впрочем, существует и другая версия. Ее предложил доктор Лев Шеп из университета Отаго, старейшего высшего учебного заведения Новой Зеландии. Токсиколог считает, что великого полководца убили белой чемерицей, добавленной в вино. Ядовитые цветки этого распространенного растения были хорошо известны древним грекам. Александр, как утверждают античные летописцы, умирал в течение двенадцати дней: сначала потерял дар речи, потом — возможность передвигаться... Любой другой яд, известный в древние времена, убил бы императора гораздо быстрее. Ученый предполагает, что белая чемерица была добавлена в вино загодя, на этапе его брожения. Правда, тогда бы напиток отдавал горечью. Скорее всего, вино подсластили — медом, скажем... И подали кубок с отравой Александру, который уже был основательно пьян — он, вообще, в последнее время много пил и вино не разбавлял, как обычно делали греки, — и поэтому ничего не заметил.

Заметки на полях

Чемерица — многолетнее травянистое растение из семейства мелантievых. Из двух десятков ее видов три произрастают на территории России. Растение высокотоксичное, способное вызывать тяжелые отравления. В чемерице содержится около пятнадцати алкалоидов. Среди них наибольшей токсичностью обладают неогерметрин, гермитрин, провератрин и вератрамарин. Симптомы отравления чемерицей возникают уже спустя 20–40 минут от момента принятия внутрь настойки или отвара из

этого растения. Это дискомфорт, а затем боли в животе, тошнота, диарея, уменьшение частоты сердечных сокращений, резкое снижение артериального давления...

Отравление алкалоидами чемерицы описал еще в XVIII веке основатель гомеопатии Христиан Фридрих Самуэль Ганеман:

«Геллеборус¹ производит угнетение всех функций организма, часто нельзя определить, видит ли и слышит ли больной и владеет ли он хоть одним чувством. Голова поворачивается из стороны в сторону, сильное оцепенение или сопорозный сон; жажда к воде; сморщенный лоб, покрытый холодным потом; расширение зрачков. Глубокая меланхолия с тоской и отчаянием. Острый или хронический отек мозга вызывает судороги, хорею², эклампсию³. Часто единственным признаком отравления являются диспепсические расстройства⁴, Геллеборус вызывает сильное урчание и вздутие живота (тошнота, рвота, жидкий стул) и резкое замедление пульса со стойким падением артериального давления».

¹ Геллеборус — так в гомеопатии называется черная чемерица, морозник.

² Хорея — разновидность непроизвольных движений, для которых свойственен размашистый или трясущий характер.

³ Эклампсия — приступ судорог или серия судорожных припадков, особенно — у беременных женщин, в основе которого лежит расстройство общего кровообращения.

⁴ Диспепсия — нарушение нормальной деятельности желудка, затрудненное и болезненное пищеварение.

Глава 12

МОСКОВСКИЙ ЯД
для Наполеона
(Эпизод первый)

Город, а точнее — то, что оставалось от него, догорал, чадя в свинцовое, осеннее небо. Маленький, бревенчатый Малоярославец восемь раз переходил из рук в руки за день боев. То французы захватывали его пять кривых улиц, то их отбивали русские...

В конце концов, великая армия Наполеона все-таки заняла уже не существующий город, который был нужен исключительно как плацдарм. Французские, немецкие, польские и неаполитанские повозки и пушечные лафеты едва ползли среди обугленных развалин, застревая и буксуя в осенней калужской грязи и в раздавленных телах тысяч погибших и раненых, вывозить или спасти которых было некому. Потом на протяжении нескольких зим жители окрестных деревень будут топить печи прикладами ружей, собранных в Малоярославце.

Сумрачным утром 25 октября 1812 года Наполеон проснулся, как всегда, рано. Настроение у императора было паршивое, хуже некуда... Больше месяца он проторчал в этой проклятой Москве, тщетно ожидая вестей из Санкт-Петербурга. И что толку? А теперь его великая армия, собранная по всей Европе, растаяла, как снег весной. Обросла тысячами маркитанток-проституток, обзавелась бесконечным обозом с награбленным добром (и не запретишь мародерствовать солдатам, которым он сам когда-то обещал в России богатую добычу!) да к тому же лишилась большей части лошадей — павших, съеденных, украденных, — а какой быстрый маневр без кавалерии?

Да и вообще, как этот хитрый старик Кутузов прознал, что французская армия собирается идти из Москвы именно на Калугу, где у русских — как сообщала разведка — припасены большие магазины продовольствия, оружия и фуража? И вот приходится вести изнурительные бои за несколько вытянувшихся вдоль до-

рожного тракта высоток, теряя и солдат, и драгоценное время... Само название этой русской дыры совершенно не произносимо для иностранца: Малоярославец.

Ну ничего! Здесь он, непобедимый Бонапарт, даст Кутузову второе решающее сражение после Бородино, по-французски — Москва. Наконец-то! После нового, окончательного, разгрома русского воинства великая армия отойдет на зимовки к Днепру: там теплее, да и украинские крестьяне — ближе к полякам, они, конечно, не европейцы, но все равно будут куда как радушнее этих русских. Царь Александр еще горько пожалеет, что трижды отклонил его предложение о мире, посланное в Санкт-Петербург из Кремля...

Наполеон вышел на пропахший гарью, холодный воздух из дома в Городне, где вчера расположился со штабом на ночлег. Решил поехать по окрестностям, в сторону реки под названием Лужа, чтобы увидеть масштаб потерь и оценить позиции. Но был остановлен вместе со всей свитой подскакавшим вестовым от Эжена де Богарне. Вице-король Италии сообщал, что русские ночью снялись со вчерашних позиций и ушли. Почему? Куда? Опять его водят за нос! Опять этот трусливый циклоп Кутузов избегает решающего сражения!

Верхом император и еще человек тридцать из штабных офицеров направились к Малоярославцу. Туда, где совсем недавно располагались позиции гвардейских артиллеристов. Вот они, рукой подать! Видно было, как батареи только начали собирать свои повозки и стволы после ночевки... Из-за холма, густо поросшего осинником, послышался топот коней.

— Разведка возвращается, — сказал сзади кто-то из свиты. Кажется, де Коленкур. — По-моему, это ваши егеря, сир!..

Наполеон не успел сообразить, откуда здесь взяться конным егерям де Богарне, как грянул во много сотен плоток страшный, раскатистый, монгольский клич:

— Ур-р-ра!..

Казачи!

Французы попали в ловушку. И — в какую! Шесть эскадронов казачьего генерал-майора Алексея Иловайского еще с вечера переправились через реку Лужа и только ждали возможности «потрепать» французов. Давая вчера указание «атаману-вихрю» Матвею Платову послать его «охотников» по тылам неприятеля, растянувшего линию своей обороны, Михаил Кутузов и думать не думал, что донцы играючи могут захватить в плен самого Наполеона.

— Не двигайтесь, сир! — закричал Гаспар Гурго, верный спутник во всех испытаниях, и схватил под уздцы коня императора.

Конвой и вся свита — Рапп, Коленкур, штабные офицеры, ординарцы — тесной стеной обступили императора, невозмутимо

продолжавшего оставаться в седле. Но что могли эти тридцать человек с их клинками против шести сотен вооруженных пиками донских казаков?!..

Из-за холма, по другую сторону которого казаки налетели на артиллеристов, Наполеону было прекрасно видно, как в течение нескольких минут были порублены его гвардейцы. К счастью, донцы охотились не за ним, а за французскими пушками. Казакам и дела не было до кучки расплюмаженных франтов, боязливо выглядывавших из-за кургана. Одиннадцать артиллерийских стволов после короткой, неравной схватки были развернуты в сторону французских позиций и с гиканьем вместе с зарядными ящиками увезены в русский лагерь.

— Вы в безопасности, сир, — тихо сказал, словно выдохнул, генерал Рапп, когда русские всадники на маленьких, лохматых лошадах исчезли так же стремительно, как и появились. Но Наполеону показалось, что голос славного боевого генерала дрожал.

Император развернул коня и возвратился в свой штаб, в Городню. Прежде чем выйти к собравшимся на совещание маршалам и генералам, Бонапарт заглянул к себе в покой. Устало опустился на стул, перевел дыхание и с болезненной остротой ощутил, что полчаса назад был всего в двух шагах от смерти. А может, еще хуже — от сумасшедшего унижения. Представить только: казаки, эти бородатые мужики, берут в плен самого императора французов, покорителя Европы! Достойный трофей для врага!.. Любопытно, они бы сразу его убили — посадили на кол, колесовали, сожгли, четвертовали — или бросили бы, как медведя, на цепи в клетку, чтобы отвезти к Александру в Санкт-Петербург?.. Бонапарт выпил залпом стакан воды и позвал ординарца. Скомандовал пригласить лейб-медика. Доктор Юван был тут как тут.

— Юван, изготовьте мне яд! — Сразу, без обиняков, начал Наполеон.

— Сир... — Опешил лекарь. — Какой яд? Вам?.. Зачем, сир?..

— Сегодня я в очередной раз убедился в том, как порой изменчива судьба и мимолетна жизнь, — сказал Наполеон. — Лучше принять смерть от яда, чем попасть в плен к этим диким скифам... Мне нужен сильный яд. Такой, который я смог бы везде и всюду носить с собой. Скажем, на шее. Во флаконе — на цепочке или на шнурке... Сделайте сегодня же все необходимое, Юван! Я рассчитываю на вашу дискретность...

К вечеру врач принес императору склянку с опиумом. Адыг Хозет Али (французы называли его «черкесом», а на самом деле он был родом с территории нынешнего российского Краснодарского края, земли адыгейских племен), один из наполеоновских

личных охранников-мамелюков, вернувшись на старости лет из Франции на Кавказ, вспоминал:

— Император, когда находился в России, никогда не расставался с чем-то вроде ладанки на шее... Все думали, будто это амулет, талисман. А на самом деле это был мешочек из черного шелка, в котором лежал сосуд размером и по форме с крупную дольку чеснока. Там хранился яд. После возвращения армии из России в Европу мешочек перекочевал в несессер императора, где он яд и прятал.

Заметки на полях

Наполеон с начала своей политической карьеры опасался быть отравленным. Известно, что он — например — не ел ничего во время торжественного обеда в Люксембургском дворце, организованного Директорией после заключения с Австрией Кампо-Формийского мира (кстати, договор этот был подписан Бонапартом без ожидания санкций от Директории). Меры предосторожности, предпринятые генералом Бонапартом на этом приеме, мне кажется, можно оправдать. Встреченный как «спаситель Отечества», Наполеон вполне мог ожидать какой-нибудь скрытой подлости от членов Директории, многие из которых восприняли триумф на итальянских полях сражений «корсиканского выскочки» — так кое-кто из депутатов называл Бонапарта — как едва ли не вызов наглому гению-одиночке республиканскому режиму.

Италия, Египет, Сирия... Все это осталось у «маленького капрала» (это прозвище, которым Наполеон очень бравировал, он получил от солдат-ветеранов, в основном — капралов, в Италии), ставшего императором едва ли не всей Европы, в далеком-далеком прошлом. Вся предыдущую жизнь затмила для Наполеона Россия. Ведь без этой страны Бонапарт не мог и представить себе завоевания Индии, а значит — и победы над Англией. В степях же Московии все складывалось для великой армии далеко не самым лучшим образом.

...На совете со своими полководцами в Городне Наполеон откажется от предложения Мюрата собрать всю оставшуюся кавалерию и пойти ускоренным маршем на Санкт-Петербург.

— Я принял решение думать лишь о спасении армии, — скажет соратникам Бонапарт.

Под Малоярославцем при виде направленных в его сторону казачьих пик внутри Наполеона что-то лопнуло, сломалось. Никто, кроме него, это не почувствовал, а яд на груди великого императора, хоть и не проник в его сердце, но все равно уже начал делать свою тихую, подрывную работу. Не зря говорили древние: «Самая худшая в мире отравка это страх».